

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие
ЧЕТЫРЕ ИЛИ ПЯТЬ ПРИНЦИПИАЛЬНО НОВЫХ

7

И. Ф. БОГДАНОВИЧ

ДУШЕНЬКА

Выписки из статьи Н. М. Карамзина
«О Богдановиче и его сочинениях»

21

А. С. ПУШКИН

МЕДНЫЙ ВСАДНИК

Царь, река, безумец

49

Н. А. НЕКРАСОВ

МОРОЗ, КРАСНЫЙ НОС

Смерть и Зима

79

ВЛАДИМИР МАЯКОВСКИЙ

ОБЛАКО В ШТАНАХ

Архитектура и анатомия облаков

101

АЛЕКСАНДР БЛОК

ДВЕНАДЦАТЬ

Пес, бес, музыка

123

АННА АХМАТОВА

ПОЭМА БЕЗ ГЕРОЯ

Последняя европейская

147

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

171

Предисловие

ЧЕТЫРЕ ИЛИ ПЯТЬ ПРИНЦИПИАЛЬНО НОВЫХ

Рассада этих соображений высевалась в грунт беззаботный, хотя прорастала в условиях не тепличных. Беззаботность объяснялась молодостью. Мне было 26 лет, и я писал первую свою поэму. Я тогда часто виделся с Ахматовой и читал ей написанное, и она кое-что об этом говорила.

Мне казалось, что она это говорит о моей поэме. Года за два до того она дала мне прочесть, а потом подарила «Поэму без героя». Она регулярно что-нибудь в ней меняла, дописывала, каждый раз уверяя читателей, что это «окончательный вариант». О ней она меня, как и других, заставляла сказать что-то членораздельное и сама опять-таки говорила. И тогда мне казалось, что это мы разговариваем о «Поэме без героя».

Еще мне казалось, что мы просто сидим и разговариваем или гуляем и разговариваем — о том, о сем, об этой поэме, о той. В разговоре я чувствовал себя уютно и, конечно, считал, что мы оба так себя чувствуем. Прошло еще несколько

похожих лет, и она умерла. И как раз подошло, а лучше сказать, налегло время задумываться. Когда задумываешься, что-то начинаешь в уже известном замечать другое, прежде незамеченное. И от этого вдруг видишь, что и само известное — вовсе другое. Что да, Ахматова говорила о конкретной поэме (и всегда только о конкретном), но также и о поэме вообще. Что ах, жаль, не свернул наш разговор тогда-то вот в таком-то направлении. Но уж раз не свернул, то надо двигаться туда самому.

Четыре основополагающих опыта русской поэмы — это «Медный всадник», «Мороз, Красный Нос», «Двенадцать» и «Поэма без героя». «Мцыри» тоже замечательная поэма, и «Бал» Баратынского, и «Возмездие» Блока, однако Пушкин как будто выпил из них звук, не весь, но ядро звука. В звуке четырехстопного ямба появился неустранимый послепушкинский ущерб. Оказалось, что после «Медного всадника» русский язык мог зазвучать снова полногласно и свежо только в «Морозе, Красном Носе». А после «Мороза» — в «Двенадцати». А после «Двенадцати» — в «Поэме без героя». И похоже, что «Поэма без героя», будучи, кроме всего, еще и поэмой о поэме, — последняя. Будут интересные вещи, будут разнообразные рассказы-в-стихах, но поэм — такое складывается впечатление — больше не будет. Этих — русской поэзии хватит.

Позвольте, а Маяковский?! Хлебников?! Цветаева?! «Облако в штанах», «Флейта-позвоночник» — поэмы новые, и «Ночь перед Советами» и «Ночной обыск» — тоже, и «Поэма Горы» и «Поэма Конца», и кто хочет, тот вправе назвать каждую из них «гениальной» или «шедевром»! Именно так, но таковы они при первом прочтении — и при двадцать первом. А эти четыре — раз от раза меняются,

постоянно что-то новое из себя выталкивают, то в одном стихе, то в другом просят быть прочитанными не так, как раньше. «Облако» с первого раза грандиозно, грандиозней «Двенадцати», но «Двенадцать» растет, и растет, и растет.

Тем не менее мы вставляем «Облако в штанах» в самую середину этой книги. Во-первых, ради яркости, без которой классическая бледность русской поэмы, сдержанный трагизм ее тональности утратили бы что-то существенное в своем достоинстве. Во-вторых, из-за влияния, которое эта поэма в той или иной форме оказывала на всю последующую русскую поэзию. Едва ли Александр Блок, внимательно читавший «Облако», мог чувствовать себя так свободно в «уличных» ритмах «Двенадцати», если бы не учтенный им предшествующий опыт Маяковского. Многоголосие «Поэмы без героя» несет следы перечитывания — и претворенного усвоения — его поэм (и прежде всего «Облака»), к которым Ахматова обратилась еще раз перед тем, как начать работу над собственной.

Этапная новизна каждой последующей из этих пяти избранных поэм по отношению к предыдущей очевидна. Не очевиден, а лучше сказать, вообще не вообразим масштаб скачка от допушкинской поэмы к пушкинской. Для нас пушкинская поэма — точка отсчета хотя бы потому, что язык ее — наш, с незначительными поправками нынешний разговорный язык. А сверх того, это наша классическая поэзия, то есть то, как в нашем представлении надо писать по-русски стихи, во всяком случае то, без чего их писать нельзя. Поэтому, чтобы ясен был переворот, совершенный Пушкиным в русской поэме, следовало бы открыть разговор об этом феномене с «Душеньки» Богдановича, самой популярной и по достоинству высоко ценимой поэмы допушкинского периода.

Итак, помимо «Душеньки» как введения, пять поэм, за четыре из которых можно поручиться, что впечатление от каждого нового прочтения их что-то переменит в предыдущем. Читателю, замечающему это, трудно отличить, что́ нового он вычитывает из текста и что́ вчитывает в него. Чтобы не превратить чтение в чисто интеллектуальную игру, следует ориентироваться, по-видимому, на первое впечатление. Настоящая поэма — вселенная, но у вселенной есть границы, и читатель все-таки не демиург, чтобы произвольно ими распоряжаться.

И.Ф. БОГДАНОВИЧ

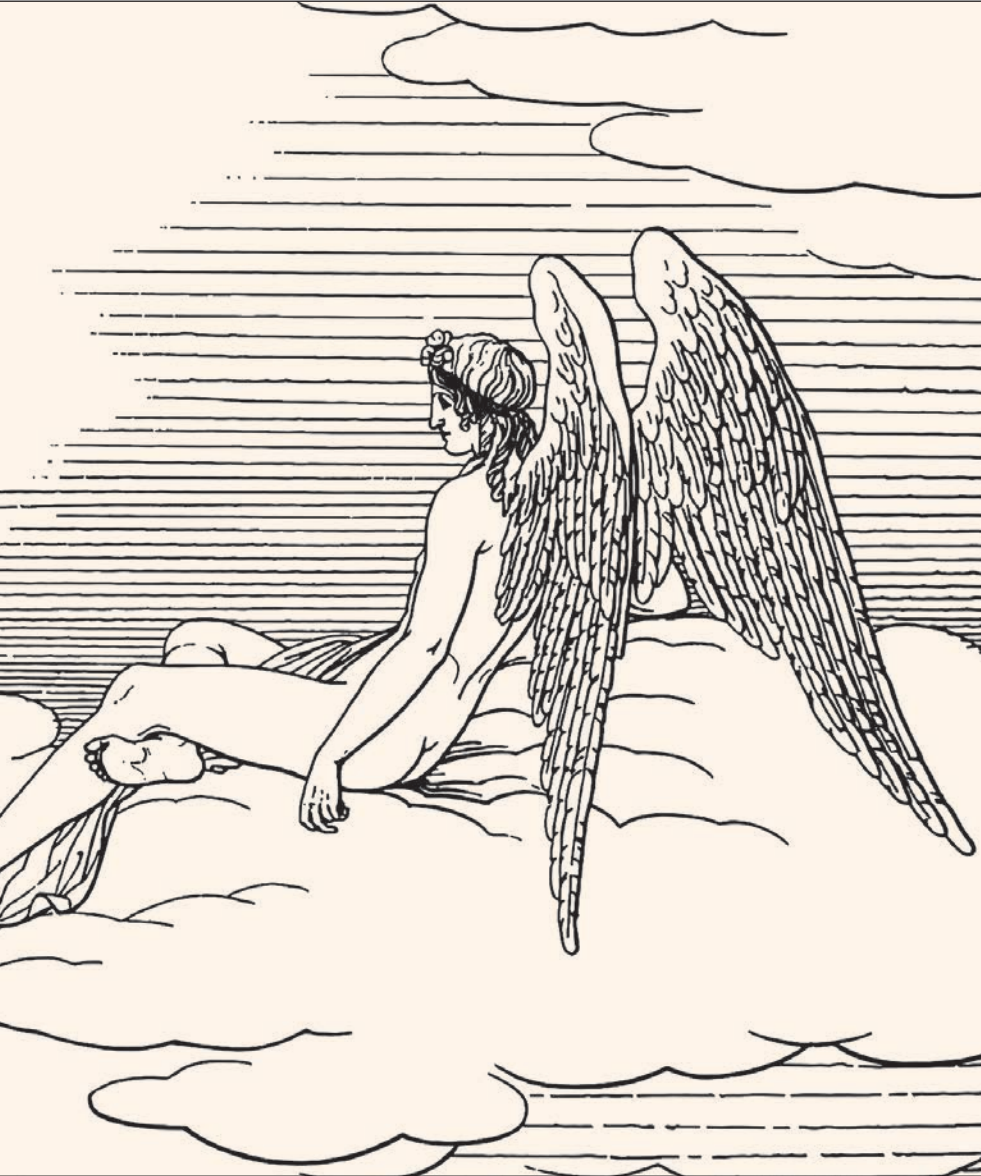

ДУШЕНЬКА

ВЫПИСКИ ИЗ СТАТЬИ
Н.М. КАРАМЗИНА
«О БОГДАНОВИЧЕ
И ЕГО СОЧИНЕНИЯХ»

... **В** 1775 году [Богданович] положил на алтарь граций свою «Душеньку». <...> Он жил тогда на Васильевском острове, в тихом, уединенном домишке, занимаясь музыкою и стихами, в счастливой беспечности и свободе; имел приятные знакомства; любил иногда выезжать, но еще более возвращаться домой, где муза ожидала его с новыми идеями и стихами... Мирные, неизъяснимые удовольствия творческого дарования, может быть, самые вернейшие в жизни! Нередко призраки суетности и других страстей отвлекают нас от сих любезных упражнений; но какой человек с талантом, вкусив их сладость и после вверженный в шумную, деятельную праздность света, среди всех блестящих забав его не жалел о пленительных минутах вдохновения? Сильный, хороший стих, счастливое слово, искусный переход от одной мысли к другой радуют поэта, как младенца...

<...>

Басня Психеи есть одна из прекраснейших в мифологии и заключает в себе остроумную аллегорию, которую стихотворцы затмили наконец своими вымыслами. Древняя басня состояла единственно в сказании, что бог любви сочетался с Психеею (душою), *земною* красавицею, и что от сего брака родилась *богиня наслаждения*. Мысль аллегории есть та, что душа наслаждается в любви божественным удовольствием. Апулей, славный остроумец и колдун, по мнению народа римского, сочинил из нее любопытную и даже трогательную сказку, совсем не в духе греческой мифологии, но похожую на волшебные сказки новейших времен. Лафонтен пленился ею, украсил вымысл вымыслами и написал складную повесть, смешав трогательное с забавным и стихи с прозою. Она служила образцом для русской «Душеньки»; но Богданович, не выпуская из глаз Лафонтена, идет *своим* путем и рвет на лугах цветы, которые укрылись от французского поэта. Скажем без аллегории, что Лафонтеново творение полнее и совершеннее в эстетическом смысле, а «Душенька» во многих местах приятнее и живее и вообще превосходнее тем, что писана стихами: ибо хорошие стихи всегда лучше хорошей прозы; что труднее, то имеет и более цены в искусствах. Надобно также заметить, что некоторые изображения и предметы необходимо требуют стихов для большего удовольствия читателей и что никакая гармоническая, цветная проза не заменит их. Все чудесное, явно несбыточное принадлежит к сему роду (следственно, и басня «Душеньки»). Случаи неестественные должны быть описаны и языком необыкновенным; должны быть украшены всеми хитростями искусства, чтобы занимать нас повестью, в которой нет и тени истины или вероятности. Стихотворство есть приятная игра ума и богаче обыкновенного языка

разнообразными оборотами, изменениями тона, особенно в вольных стихах, какими писана «Душенька» и которые, подобно английскому саду, более всякого правильного единства обнаруживают ум и вкус артиста. Лафонтен сам это чувствовал и для того нередко оставляет прозу; но он сделал бы гораздо лучше, если бы совсем оставил ее и написал поэму свою от начала до конца в стихах. Богданович писал ими, и мы все читали его; Лафонтен — прозою, и роман его едва ли известен одному из пяти французов, охотников до чтения. Правда, что есть люди, которые не любят стихов, — так же как другие не любят музыки и прекрасных женщин; но такая антипатия есть чрезвычайность, и мы из учтивости — ничего не скажем о сих людях!

Желая *украсить гроб* сего любезного поэта *собственными его стихами*, напомним здесь любителям русского стихотворства лучшие места «Душеньки». Она не есть поэма героическая; мы не можем, следуя правилам Аристотеля, с важностию рассматривать ее *басню, нравы, характеры и выражение* их; не можем, к счастью, быть в сем случае педантами, которых боятся грации и любимцы их. «Душенька» есть легкая игра воображения, основанная на одних правилах нежного вкуса; а для них нет Аристотеля. В таком сочинении все правильно, что забавно и весело, остроумно выдуманно, хорошо сказано. Это, кажется, очень легко — и в самом деле, нетрудно, — но только для людей с талантом. Пойдем же без всякого ученого масштаба вслед за стихотворцем; и чтобы лучше ценить его дарование, будем сравнивать «Душеньку» с лафонтеновым творением.

Мы уже говорили о том, что Богданович не рабски подражает образцу своему. Например, в самом начале он забавно описывает доброго царя, отца героини,

Который свету был полезен,
 Богам любезен;
 Достоино награждал,
 Достоино осуждал...

[и так далее]. У Лафонтена нет о том ни слова. И как все приятно сказано! Как перемена стихов у места и счастлива! — Любезное имя, которым Богданович назвал свою героиню, представляет ему счастливую игру мыслей, которой Лафонтен мог бы позавидовать:

Звалась она *Душа* по толку мудрецов;
А после, в повестях старинных знатоков,
У русских *Душенькой* она именовалась,
 И пишут, что тогда
 Изыскано не без труда
К ее названию приличнейшее слово,
Которое еще для слуха было ново.
Во славу *Душеньке* у нас от тех времен
Поставлено оно народом в лексиконе
 Между приятнейших имен,
И утвердила то любовь в своем законе.

Это одно гораздо лучше всякого подробного описания Душенькиных прелестей, которого нет ни у Богдановича, ни у Лафонтена: ибо они не хотели говорить слишком обыкновенного. — Жалобы Венеры в русской поэме лучше, нежели во французской сказке, где она также в стихах. Читатели могут судить:

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru